

УДК 327

Алексей ГРОМЫКО

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ЕВРОПЫ. ГРОЗИТ ЛИ ЕС ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ОДИНОЧЕСТВО?

***Аннотация.** В статье проанализированы основные параметры изменения политического ландшафта Европы: последствия брекзита, выход США из ядерной сделки с Ираном, раскручивание торговой войны между США и ЕС, формирование популистского правительства в Италии, раскол в ЕС по вопросам регулирования иммиграции и т.д. Автор делает вывод, что это симптомы идущей трансформации внутренней структуры коллективного Запада. Установки на прагматизм в решении проблем нелегальной и неконтролируемой иммиграции или улучшения отношений с Россией, в том числе в рамках «нового популизма», являются более ответственными и перспективными для стабилизации ситуации в Европе. События подтверждают тезис о формировании полицентричной модели международных отношений. Расширяются возможности внешней политики России по маневрированию на западном и европейском направлениях. Крайне важное значение для России в этой связи имеет состояние дел в сфере интеграционных проектов на постсоветском пространстве, в первую очередь Союзное государство России и Беларуси и Евразийский экономический союз.*

***Ключевые слова:** полицентризм, миграционный кризис, постсоветская интеграция, популизм, Евросоюз, Евразийский экономический союз.*

Восприятие главных угроз благополучию мирового развития меняется не менее быстро, чем сами события. На Западе тон в конструировании этого восприятия по-прежнему задают властные круги в Соединённых Штатах, хотя единство евроатлантического региона шаг за шагом размывается. Очередным наглядным примером стал саммит «большой семёрки» 8-9 июня в Квебеке, который закончился фиаско – отзывом Д. Трампом своей подписи под итоговым коммюнике. Отказ сопровождался жёсткой критикой в адрес Джастина Трюдо, премьер-министра Канады, которого Трамп обвинил во лжи и фактическом срыве достигнутых в Ла Мальбе договорённостей¹.

Либеральная часть европейского политического истеблишмента ещё сохраняет надежду на то, что нынешнее поведение США – явление временное, а не долговременный тренд. Для лагеря ортодоксальных атлантистов, голос которых слышен громче всего в странах Прибалтики, Польше, Румынии, Швеции, Нидерландах углубляющиеся противоречия между двумя берегами Атлантики наиболее болезненные. По мере выхода Британии из ЕС американский крен в политике ряда из них усиливается.

Для европейских прагматиков в лице Германии, Франции, Испании, Бельгии накапливающиеся противоречия с Вашингтоном служат сигналом к более самостоятельным действиям и к превращению ЕС в автономного игрока на международной арене. Берлин и Париж при поддержке Рима проводят чрезвычайно активную политику по развитию военно-политиче-

© Громыко Алексей Анатольевич – член-корреспондент РАН, директор ИЕ РАН, председатель Ассоциации европейских исследований, заведующий кафедрой истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Адрес: Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. E-mail: alexey@gromyko.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran3201849>

¹ Имеются в виду заявления Трюдо на пресс-конференции, которая проводилась после отъезда Трампа, о несправедливости американских тарифов на сталь и алюминий.

ских инструментов ЕС и укреплению объединённого потенциала национальных ВПК.

Силу набирает третья категория стран – членов ЕС, которая включает Италию, Венгрию, Грецию, Словакию, частично Болгарию и Чехию, – страны с сильными популистскими и евроскептическими настроениями. В своей речи в парламенте 9 мая после вступления в четвёртый раз в должность премьер-министра Венгрии В. Орбан в очередной раз заявил, что эпоха либеральной демократии подошла к концу, и призвал заменить её христианской демократией XXI в.¹ Противостояние с идеологическими противниками складывается в его пользу. Символом этого стало вынужденное решение спонсируемого Дж. Соросом Центрально-европейского университета переехать из Будапешта в Вену. Если раньше в либеральной прессе Орбана рутинно изображали политическим отщепенцем и изгоем, то теперь общий фон событий в Европе показывает – его пример, как и многие другие, свидетельствуют о глубоких изменениях в мышлении европейцев, которые в свою очередь отражают масштабные социально-экономические перемены. В результате происходят масштабные деформации партийно-политических систем.

В рассуждениях о либеральном порядке и популизме особняком стоит Британия, в которой доморощенный евроскептицизм зашёл намного дальше, чем в Венгрии, Греции или Италии. Он не только привёл к власти популистов-евроскептиков, но и устроил политическое землетрясение в виде брексита. Однако политическая элита страны, которая допустила и во многом потворствовала этому событию, продолжает позиционировать себя в качестве надёжной опоры либерального международного порядка. Чтобы совместить эти во многом исключаящие друг друга установки – выход из ЕС и лидерские позиции в евроатлантике, британские власти идут на самые невероятные авантюры, включая «дело Скрипалей». Несмотря на все различия, природа популизма в Британии во многом та же, что в США, Италии, Франции или Германии – затяжная стагнация в росте доходов среднего класса, увеличение социального неравенства. Так, по данным Британского конгресса тред-юнионов, после кризиса 2008 г. в среднем реальная заработная плата рабочего остаётся ниже, чем 10 лет назад, и не вернётся к докризисному уровню до 2025 г.²

Современный популизм – это своего рода «магистральный», новый популизм, который является не столько ругательным термином, обозначающим маргинальные политические силы, сколько лозунгом на знамёнах тех, кто не только реально претендует, но уже получил власть. Так, Джузеппе Конте, новый премьер-министр Италии, возглавляет первое в истории страны полностью популистское правительство в составе представителей Движения пяти звёзд и Лиги. Уникальность кабинета и в том, что в нём сомкнулись левый и правый популизм, генезис которых очень различен, но подходы к решению ряда проблем схожи. Как когда-то в западной исторической и политологической литературе реабилитировали понятие «империя»³, не говоря уже о политической риторике («милосердная империя» – в отношении США), так и теперь происходит реабилитация понятия «популизм». Именно об этом заявил Дж. Конте,

¹ ИТАР-ТАСС. Эпоха либеральной демократии подошла к концу – премьер Венгрии. 10 мая 2018 г.

² ИТАР-ТАСС. В Лондоне несколько десятков тысяч человек вышли на митинг в поддержку прав трудящихся. 12 мая 2018 г.

³ Например, см. Niall Ferguson. *Empire: How Britain Made the Modern World*. Penguin, 2003.

выступая 5 июня в Сенате парламента Италии, указав на то, что новое правительство согласно называться популистским, если это означает прислушиваться к мнению граждан.

Действительно, популизм в традиционном представлении – удел малых партий и следовательно – небольших и оппозиционно настроенных групп населения. Однако на выборах 4 марта за «Пять звёзд» и Лигу проголосовали почти 50% граждан, пришедших на избирательные участки, что в пересчёте на депутатские мандаты означает солидное большинство. Получается, что феномен популизма превращается в ряде европейских государств в выражение мнения основной части населения, и, следовательно, популистскими, в обычном значении этого слова, становятся бывшие партии «мейнстрима».

Кроме того, популизм в традиционном понимании – явление вредное, прокладывающее дорогу демагогам. Напротив, многие современные популистские движения больше способствуют урегулированию кризисных явлений в ЕС, чем общепризнанные партии. Так, установки на прагматизм в решении проблем нелегальной и неконтролируемой иммиграции или улучшения отношений с Россией представляются более ответственными и перспективными для стабилизации ситуации в Европе, нежели позиции по этим вопросам традиционных центристских сил. Поэтому малоубедительны аргументы тех, кто обвиняет Россию в сотрудничестве с новыми европейскими популистами, потому что-де оно направлено на раскол ЕС. Происходит обратное: Россия находится в самых плохих отношениях с теми, кто больше всего способствует подрыву европейской интеграции, – с британскими консерваторами.

Новый популизм часто сравнивают с межвоенным популизмом в XX в., который привёл ко Второй мировой войне. Конечно, в Европе есть ультраправые партии, ряд из них близок к неонацистской идеологии. Но речь не о них; эти явления продолжают сохранять свой маргинальный характер. На политическую арену выходят те, для кого национализм, а точнее – национальное самосознание, – не орудие достижения гегемонистских целей в Европе, а напротив сопротивление им. Также новые популисты в своём большинстве выступают против применения военной силы за рубежом и «гуманитарных интервенций», тогда как многие защитники «либерального международного порядка» инициируют или присоединяются к силовым акциям против других стран. Они же, а не новые популисты, спровоцировали своей необдуманной миграционной политикой (или её отсутствием) усиление ксенофобских и расистских настроений в Европе.

Популизм – феномен нейтральный в том смысле, что направить недовольство масс можно в разные русла. Популизм сам по себе – не плохой и не хороший; это ресурс, который можно использовать для реализации прогрессивных или деструктивных политических идей. Популизм британских евроскептиков имеет разрушительные последствия для европейского интеграционного проекта, как и для международного положения самой Британии. Популизм же «Пяти звёзд», Лиги или В. Орбана также является реакцией на разные дисфункции как в национальном развитии, так и на уровне всего Евросоюза, но не заходит так далеко, как британские евроскептики. Недовольство избирателей, которое стало залогом электорального успеха этих и других политических сил, может в конечном счёте сослужить ЕС добрую службу, заставляя засидевшиеся у власти политические круги либо уступить место другим, либо видоизмениться.

Представляется, что успех или провал в этой самоперестройке Западной Европы будет определяться прежде всего в двух сферах: во-первых, ходом дел в реализации Глобальной стратегии ЕС, в частности – в обретении стратегической автономии от Вашингтона, и, во-вторых, в области нормализации отношений с Россией и возвращении к «большой идее» стратегического партнёрства Запада и Востока Европы «от Атлантики до Тихого океана».

Свою роль в сохранении и укреплении в новых условиях системы сдержек и противовесов в Европе и в целом в мире играет ещё одна группа стран, члены которой в разной степени придерживаются политики нейтралитета: Финляндия, Швеция, Австрия, Швейцария. В разные периоды истории они вносили большой вклад в деэскалацию различных конфликтов. Продемонстрировал это и июньский визит В.В. Путина в Вену, во время которого было подписано беспрецедентное соглашение о поставках российского газа до 2040 г., прозвучали заявления федерального канцлера С. Курца и президента Австрии А. Ван дер Беллена, идущие вразрез с официальной политикой Вашингтона и его адептов в Европе в отношении России. Однако «слабым звеном» в европейском нейтралитете становятся Хельсинки и особенно Стокгольм. Неслучайны постоянные усилия США по втягиванию их в ряды НАТО, если не де юре, то де факто. Очередным шагом в этом направлении стало подписание 8 мая в Вашингтоне трёхсторонней декларации о расширении военного сотрудничества между США, Швецией и Финляндией. До этого, в 2016 г., обе североευропейские страны уже заключили двусторонние аналогичные соглашения с Соединёнными Штатами.

Размывание евроатлантической солидарности заставляет государства ЕС и его наднациональные структуры пересматривать свои стратегические приоритеты, готовить запасные варианты действий. Выражением этого стало очередное заявление в пользу нормализации отношений с Россией, сделанное 31 мая Жан-Клодом Юнкером на конференции «Перезапустить Европу сейчас!», которая стала финальным мероприятием крупного проекта с участием ряда ведущих аналитических центров ЕС¹. Возрастание геополитического одиночества ЕС подталкивает столицы его государств-членов и Брюссель к переосмыслению взглядов на императив продвижения к общеевропейской системе безопасности.

Надежда ортодоксальных атлантистов на сохранение «либерального международного порядка» во главе с США становится всё прозрачней. Трудно привести более убедительное доказательство его постепенной дезинтеграции, чем признание из уст того, кто во многом олицетворяет Европейский союз и называет себя «европейцем, неизлечимо настроенным проамерикански и фанатично преданным трансатлантической кооперации» – Д. Туска, председателя Европейского совета². В преддверии встречи «семёрки» в Канаде он задался вопросом: новая политика Белого дома является «сезонным колебанием» или симптомом распада западного политического сообщества?³ Незадолго до этого, перед саммитом ЕС – Западные Балканы в середине мая, Туск заявил, что ЕС должен сказать спасибо президенту Трампу, «ведь благодаря ему мы избавились от всех иллюзий»⁴. А ведь Туск – поляк. Таким настроениям вторит

¹ www.newpactforeurope.eu/events/launch3rd/launchevent_bxl.php.

² Европейский совет – высший политический орган Евросоюза; состоит из глав государств и правительства стран – членов ЕС.

³ Donald Tusk. Despite Trump, the West Must Stay United / New York Times, 6 June, 2018.

⁴ ИТАР-ТАСС. Пульс планеты. Европа. ЕС должен быть готов к негативным последствиям выхода США из *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, 2018, №3*

ведущий новостной канал ЕС «Евроньюс», который назвал канадский саммит «большой семёрки» символом раскола Западного мира¹. В оборот вошёл новый термин – «большая шестёрка плюс 1», отражающий дальнейшую эрозию влияния этой организации вслед за сокращением её членства после исключения России. Отношения между США и их союзниками в Европе всё больше напоминают тип взаимодействия, которым до сих пор на Западе характеризовали отношения с Россией после 2014 г., – «транзакционный», понятие из мира финансов, обозначающее конкретную сделку. Другими словами – точечное взаимодействие по вопросам, в которых Запад заинтересован в России, например, урегулирование сирийского и украинского кризисов, сохранение ядерной сделки с Ираном, борьба с международным терроризмом. Такой тип взаимоотношений был официально закреплён в «пяти принципах по развитию отношений с Россией», одобренных на заседании министров иностранных дел стран – членов ЕС в марте 2016 г. Теперь же де факто транзакционным становится сотрудничество лидера западного мира с другими его представителями.

Мышление Д. Трампа – это стратегия бизнес-менеджера, которого в первую очередь интересуют вопросы прибыльности предприятия. Причём речь идёт о прибыльности в контексте принципов «экономики акционеров», а не «экономики стейкхолдеров», т.е. об интересах узкого круга людей, заинтересованных в сиюминутной выгоде. Акционеры для Трампа-президента – это его электорат, а интересы остальных участников западного сообщества, включая европейцев, отходят на второй план. Им предлагается своего рода бизнес-модель отношений, в рамках которой их мнение учитывается ровно настолько, насколько совпадает с представлением Белого дома о национальных интересах США. А они, в свою очередь, понимаются в узком экономико-центричном смысле. В политическом лексиконе ЕС такая модель поведения называется национальным эгоизмом.

* * *

Политический ландшафт Европы меняется на наших глазах. Перипетии брекзита, выход США из ядерной сделки с Ираном, фиаско саммита «большой семёрки» в Квебеке, раскручивание торговой войны между США и ЕС, формирование популистского правительства в Италии, каталонский и шотландский сепаратизмы, раскол в ЕС по вопросам регулирования иммиграции, продвижение строительства «Северного потока 2» – это симптомы идущей трансформации внутренней структуры коллективного Запада. В целом происходящие события подтверждают тезис о формировании полицентричной модели международных отношений. Они свидетельствуют и об усилении в ЕС понимания необходимости продвигать идею стратегической автономии. Расширяются возможности внешней политики России по маневрированию на западном и европейском направлениях. Необходимо с особым вниманием отслеживать процессы строительства Оборонного союза ЕС (PESCO), его соотношение с эволюцией НАТО, особенно на восточном фланге.

Помимо этого, для России крайне важное значение имеет состояние дел в сфере интеграционных проектов на постсоветском пространстве, в первую очередь Союзное государство России и Беларуси и Евразийский экономический союз. Требуется наращивание эксперт-

сделки с Ираном – Туск. 16 мая 2018 г.

¹ <http://ru.euronews.com/2018/06/11/g7-end-multilateralism>.

ной аналитики и совместных проектов на белорусском, казахстанском и армянском треках.

Список литературы

Final European event – Re-energising Europe – Now! 31.05.2018. New Pact for Europe. URL: www.newpactforeurope.eu/events/launch3rd/launchevent_bxl.php (accessed: 01.07.2018).

Niall Ferguson. Empire: How Britain Made the Modern World. Penguin, 2003.

Tusk D. Despite Trump, the West Must Stay United / New York Times, 6 June, 2018.

Пульс планеты. Европа. ЕС должен быть готов к негативным последствиям выхода США из сделки с Ираном – Туск. 16 мая 2018 г. ИТАР-ТАСС.

Позняков А. Пророссийская провокация и раскол на саммите G7. 11/06/2018. Euronews.com. URL: <http://ru.euronews.com/2018/06/11/g7-end-multilateralism> (accessed: 01.07.2018).

References

Final European event – Re-energising Europe – Now! 31.05.2018. New Pact for Europe. URL: www.newpactforeurope.eu/events/launch3rd/launchevent_bxl.php (accessed: 01.07.2018).

Niall Ferguson. Empire: How Britain Made the Modern World. Penguin, 2003.

Tusk D. Despite Trump, the West Must Stay United / New York Times, 6 June, 2018.

Pul's planet. Evropa. ES dolzhen byt' gotov k negativnym posledstviyam vyhoda SSHA iz sdelki s Iranom – Tusk. 16 maya 2018 g. ITAR-TASS.

Poznyakov A. Prorossijskaya provokaciya i raskol na sammite G7. 11/06/2018. Euronews.com. URL: <http://ru.euronews.com/2018/06/11/g7-end-multilateralism> (accessed: 01.07.2018).

The Political Landscape of Europe. Is geopolitical loneliness threatening EU?

Author. Gromyko Al., Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe (Russian Academy of Sciences). **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** alexey@gromyko.ru.

Abstract. In the article analyzed the basic features of the transformation of the political landscape of Europe: the consequences of brexit, the exit of USA from the nuclear agreement with Iran, the escalation of the trade war between the USA and EU, the formation of the populist government in Italy, the split in EU on the questions of the regulation of the immigrants etc. The author stated that all these features are the symptoms of the ongoing transformation of the structure of the collective West. The accent on pragmatism in the decision making on legal and uncontrolled immigration or the improving of the relations with Russia also in «new populism» are the most responsible and perspective for the stabilization in Europe. The current situation backs the thesis on the polycentric model in the international relations. The possibilities of the foreign policy of Russia expand on Western and EU tracks. High importance in that situation acquire the state of the integration projects of Russia on the post-soviet space, in the first hand the Union State of the Russia and Belarus and the Eurasian economic union.

Key words: polycentrism, migration crisis, post-soviet integration, European Union, Eurasian economic union.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran3201849>